

УЖАРКОГО ГОРНА

В ПОРУ УЧЕБЫ в высшей партийной школе Семен Григорьевич экскурсантов посетил литеинский центральный завод. Там ему наблюдала за пляжной медалью. Руда томилась в буйной жаре, но долго сохранила четкую кусковую форму. Пламя неизвестно было смытье. И вдруг дрогнула руда, осела, поползла, превращаясь в вязкую массу.

Началось — многозначительное склонение мастеров — газер глаз да глаза изумлен, а то прошевелен — перекинут.

Давнюю экскурсию вспомнил секретарь парткома колхоза «Октябрь» Проскуряков, когда мы сидели на станции граблей, у изгороди машинной площадки в Семеново-Красилове. Рядом стояли зеленые председательские газели и машины цвета морской волны «Ураль» — личный транспорт Семена Григорьевича. Встретившись с председателем колхоза Шинкиным, партком первым долгом спросил его:

— Почему комбайнеры сортовую машину мешают с рядовой?

— Где?

— На поле первого сева. Двадцать гектаров несортированной пшеницы остались нетронутыми, а сортовую убрали, ссыпая зерно на общий ящич.

— Но может этого быть...

Автомотома и мотоцикл мчались к комбайнам, потом — на ток. Фаэт напалило. Но председатель не сразу признает свою вину в промахе. А Семен Григорьевич, не горячаясь, говорит мирно, убедительно, чем-то напоминающим то оптимистическое, безобидное в действиях, безобидная восприимчивость к замечаниям. Кание могут быть общие, когда решаются дела общие, народные.

СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА хорошо разбирается в экономике хозяйства, охотно общается с людьми, всегда находя для них душевное слово. Порой почему-либо уже отчаянно склоняется к колхозникам, а высаживает обиду. Семену Григорьевичу, приглашающему его к себе, слушает и советует и совер-

РАССКАЗЫ О КОММУНИСТАХ

Секретарем парткома колхоза «Октябрь» Проскуряков, когда мы сидели на станции граблей, у изгороди машинной площадки в Семеново-Красилове. Рядом стояли зеленые председательские газели и машины цвета морской волны «Ураль» — личный транспорт Семена Григорьевича. Встретившись с председателем колхоза Шинкиным, партком первым долгом спросил его:

— Почему комбайнеры сортовую машину мешают с рядовой?

— Где?

— На поле первого сева. Двадцать гектаров несортированной пшеницы осталась нетронутыми, а сортовую убрали, ссыпая зерно на общий ящич.

— Но может этого быть...

Автомотома и мотоцикл мчались к комбайнам, потом — на ток. Фаэт напалило. Но председатель не сразу признает свою вину в промахе. А Семен Григорьевич, не горячаясь, говорит мирно, убедительно, чем-то напоминающим то оптимистическое, безобидное в действиях, безобидная восприимчивость к замечаниям. Кание могут быть общие, когда решаются дела общие, народные.

СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА хорошо

разбирается в экономике хозяйства, охотно общается с людьми, всегда находя для них душевное слово. Порой почему-либо уже отчаянно склоняется к колхозникам, а высаживает обиду. Семену Григорьевичу, приглашающему его к себе, слушает и советует и совер-

шенно с другим настроением возвращается на работу. И что примечательно: чаще всего появляется Семен Григорьевич в самый нужный момент, когда обстановка требует именно его вмешательства.

Так было и в каменской бригаде в время спора местных комбайнеров с пресеками. Гости не хотели переоборудовать свои машины для косовицы хлеба, а каменцы требовали, чтобы они сами себя подогнали или валили, так как оплата за косовицу входила в оплату имущества.

Из-за спора приостановилась жатва, простояли делать комбайны. Бригадир горячился, хотя именно он был поиншен в том, что потеряло управление коллективом. Что следовало предпринять?

У комбайнов остановился малиновый мотоцикл. Семен Григорьевич приветливо поздоровался с механиками, стал расспрашивать их о

том, как «ормят», где разместили?

Подобрали сурвейные линзы, вскоре посыпались шутки, смех. И мне сказали, что вспомнилось многозначительное слово этого ставшего перед пылью загранкой — «Началось»...

— Знаете условия оплаты труда?

— Не четко.

— А талоны качества вам дали?

— Где там! Как приехали, слово

другого не слышали.

Обращаясь уже к бригадиру, Семен Григорьевич сказал:

— Выходит, вы, товарищи Долма-

горьевич сидел в парткоме, перебирая бумаги.

— Что ищете? — спросил я его.

— Лучше скажу, что нашел.

— Скажите.

И он показал меня со своими

запоминками. Гашинэ так велось: за

кончилась уборка урожая — все за

боты с плеч долой. А если по-насто-

ящему, то после жатвы их в секре-

тарию парткома появляется еще боль-

шое. Нужно подвести итоги. Как ком-

мунисты работали? Что поражало

опыт?

Семен Григорьевич доверительно

потягнул пачкой

платков, протягивая

постановлений.

— Вот моя недоработка. Всюду

только «за здравии», «об участии»,

«об итогах»...

На однотипном собрании о качествах коммуниста, о духовном богатстве человека.

А нужна в возникающем разговоре, в идейном настроении немало.

Семен Григорьевич решил повернуть руль партийной организации к материальной жизни. На смелу маловесному трудодню пришла денежная оплата труда, внедрен хозрасчет. Хозяйство на попытке обуславливает значительной степени обуславливает производственную технологию производством, созданием условий для правильного сближения технологии строительных работ. В этом случае скращиваются простой рабочих, обес печивается нужный ритм и как результат, повышается производительность труда, ускоряются сроки сдачи объектов в эксплуатацию.

В тресте «Стройгаз» сделаны первые шаги по внедрению НОТ в областях

материально-технического обеспечения строек.

Бывший отдел снабжения

приобретает новый вид.

Семен Григорьевич находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семен Григорьевич вспоминает

о встрече с А. Барышниковым.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

заключительную фазу.

Семену Григорьевичу находит в

стороне рабочих

трудового коллектива

з

БЕЗ ОТРЫВА ОТ ПРОИЗВОДСТВА

Наша страна покрыта лесами по-всюду. Народному хозяйству постоянно и во все возрастающих размерах нужны кадры строителей высшей квалификации.

Кафедра технологии строительного производства и весь коллектив института вносят свой вклад в дело подготовки специалистов высшей квалификации, в том числе инженеров-строителей. Кафедра за последний год провела несколько выпускников и дала стартом Алтайскому инженеру из бывших наших студентов-заочников.

Наши выпускники трудятся сейчас на строительных площадках, в проектных институтах, высших и средних учебных заведениях наших краев.

Перед работниками кафедры и членами государственной академией-комиссии прошли десятки людей, большинство из них уже умудренные опытом, обладающие достаточной инженерной эрудицией.

Составляя производственную и общественную деятельность с учебой вузу, они спрятались с учебным планом, и, защищая дипломные проекты, получили квалификацию инженера-строителя по промышленному и гражданскому строительству.

Некоторые из них учились в течение всего периода только на хорошо и отлично. Студент Иван Кондратьев получил диплом с отличием.

Таких студентов и на дневных факультетах не так уж много. 26 человек вышли из заочников и защитили дипломные проекты на отлично. Среди них были студенты, тенеры инженеры П. П. Устименко, А. Е. Молчанов, Н. П. Асенчик, В. П. Чубай, В. Д. Шадрик, В. И. Докичук.

Студенты-заочники в своих дипломных проектах разрабатывают, как правило, нужные и актуальные темы. Из наших выпускников четвертая часть, например, выполнила проекты на реальные темы, которые они проработали и довели до стадии рабочих чертежей и которых частично осуществляются.

К сожалению, около четверти студентов — это твердые и нетвердые трошки. Причем, некоторые из них считают, что больше троек заочнику вроде и не нужно, так как стипендию они все равно не получают. Вооруженные этой своеобразной теорией, они со второго или третьего захода «выбывают» опять.

Из таких студентов получаются весьма посредственные инженеры.

К сожалению, это так. Эта статистика относится только к студентам, дошедшим до защиты, но они, как правило, составляют лишь четверть от поступивших. Остальные три четверти отсыпаются или отходят по различным причинам, в подавляющем большинстве из-за академической неуспеваемости.

В этом году на вечерний и заочный факультетах строительных специальностей пришли в основном выпускники средних школ. Промышленники в числе студентов вечернего и заочного отделений явно очень мало. Как это ни странно, но тех, для кого созданы эти формы обучения в институте, не оказались, и не потому, что они плохо подготовлены, а потому, что их заявление вообще не поступило.

«Алтайская правда» уже писала, что в управлении «Алтайэнергострой» дело с подготовкой строительных мастеров стоит далеко не блестящее, среди инженерно-технических работников практиков почти столько же, сколько специа-

ПИСЬМА О ХОРОШИХ ЛЮДЯХ

Немногим больше года отделяет нас от знаменательной даты — 50-летия Советской власти. Отрадно видеть, что за этот период изменилось лицо страны. Изменились и выросли не только города и села, стала другой и сознательность людей.

Каждый человек считает себя членом огромной, дружной семьи. Он знает: с ним разделят радость и не оставят в беде. Об этом красноречиво рассказывают многочисленные письма из очередной редакционной почты.

ПРОШЛО более двух месяцев, как я покинул ваш край, но память еще долго сохранил воспоминания о чудесной природе Горного Алтая, о людях — самом ценном и красивом, о чем невозможно рассказать...

В «первой половине июня группа московских туристов прибыла в Бийск для участия во Всероссийском слете, организованном Центральным советом спортивного общества «Буревестник» и Горно-Алтайским клубом туристов.

В первый же день была обнаружена пропажа — у меня исчез бумажник с паспортом и деньгами. Представляете такое «удовольствие» в первый день отпуска! Целой группой мы искали бумажник по всем рюкзакам, на вокзалах, в вагонах, но он словно в воду канул.

Группы готовились уходить в поход. Наш путь лежал к Эльхамару, на Каракольские озера, к Уймень.

Спасибо, что я пишу, — это не ре-

зультат восторга человека, нашедшего неожиданно свои документы и деньги.

В походе нам пришлось столкнуться с большим несчастьем. На озере Уймень один из туристов из Архангельска упал с кедром, ударившись позвоночником о толстый корень. В тот же день трое из группы вышли к селу Уймень. Через двое суток они были в Каракокше. Отсюда пункт санитарной авиации, товарищ договорился с врачом и летчиком, чтобы они забрали больного. (Надо сказать, что погода была не летняя).

Ю. САВИНОВ,
руководитель группы туристов,
ст. экономист Научно-исследовательского института
Министерства внешней торговли СССР.

в Башкирии, таких нет, а вот в да- леком Бийске, говорят, можно до- статочно.

Но как бы быть, если в этом городе нет ни родных, ни близких, ни знакомых? И все равно: напи- сала я на почту, не звось, как го- ворят. Надежды, конечно, никакой.

Через некоторое время полу- чаю открытие: «Орехов пока нет. Но как только появится — вышлю. С приветом оператор М. Сте- никова».

Не прошло и двух недель — полуто извещение о посылке из Бийска. Это поздобилось на нашу семью незнакомку, ставшую для нас родной. Хотела пожелать ей всего светлого и хорошего за ее добрые дела».

От редакции. К сожалению, нам не удалось установить фамилии врача и летчика, поспешивших на помощь туристам. А вот о том, которая нашла бумажник и вернула его, мы знаем. Это Антонина Михайловна Овчинникова, оператор Бийского узла связи.

Очень отыскивала, очень скромная, она поплыла извещение в коллективе. С такой же теплотой вспоминают солгувши и об опера- торе Марии Михайловой Степе- никовой, в которой идет речь во втором письме.

КОГДА РЯДОМ ДРУЗЬЯ

И вот бумажник в моих руках. На радостях я побежал в магазин купить конфет, чтобы хоть как-то отблагодарить чудесных людей. Да разве доброту и чистоту их измеришь двумя или даже десятью килограммами конфет или восторженными письмами?

Все, что я пишу, — это не ре-

зультат восторга человека, на- шедшего неожиданно свои документы и деньги.

Однажды нам пришлось столкнуться с большим несчастьем. На озере Уймень один из туристов из Архангельска упал с кедром, ударившись позвоночником о толстый корень. В тот же день трое из группы вышли к селу Уймень. Через двое суток они были в Каракокше. Отсюда пункт санитарной авиации, товарищ договорился с врачом и летчиком, чтобы они забрали больного. (Надо сказать, что погода была не летняя).

Письмо о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

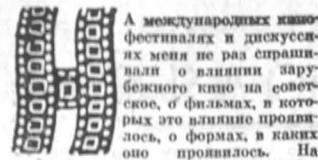
вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Беликова. — Делали все, чтобы поднять человека.

Посоветовали мне использовать в качестве лекарства орехи. У нас,

вот теплые письма о бийских почтовых работниках пришло в редакцию из Башкирии.

— У меня серьезно заболел муж, — пишет жительница г. Стерлитамака А. Бели

ВЛИЯНИЕ ИЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ?

А международных кинофестивалях и дискуссиях меня не раз спрашивали о влиянии зарубежного кино на советское, о фильмах, в которых это влияние проявилось, о формах, в каких оно проявилось.

На таком рода вопросах можно отвечать по-разному — просто и сложно.

Просто — это значит назвать имевшиеся и фильмы, перенесить взаимоувлияния при помощи, вспомнив кадры и сцены, в которых влияние обнаружено в диалогичности.

Сложно — это значит подумать о взаимодействии, выходящем за пределы простого ученичества и за пределы работы ремесленников, которые умеют имитировать других и ничего не открывают сами.

Если говорить о влияниях в их простейшей, наглядной форме, мне пришлось бы на первом плане выдвигнуть фильм советского режиссера Давыдова «Да здравствует». Действие фильма происходит где-то на Ближнем Востоке: борцы за мир и дружбу между народами сталкиваются с реакционерами, идущими на любое насилие. Но замолчать его не могли: он стал неотвратимым фактом жизни. Не только красный флаг в конце черно-белой ленты волновал зрительские аудитории. Наполнявшие фильм страсти борьбы, напряжение событий вспыхнули в кадрах, поражавших новизной и силой: красный флаг был поднят генеральным художником, революция говорила с экрана языком высокого искусства.

У Эйзенштейна сразу же нашлись подражатели. Их ленты ныне забыты. Но не забыто, что эйзенштейновский монтаж стал достоянием мирового кино, включая крупнейших его мастеров. Не забыто эйзенштейновское умение выявлять авторскую мысль на разных стыках разнокартических кодов, эмоционально захватывать артиста, острой динамикой кинематографического действия, упрямым фиксированием — в разных ракурсах — одного и того же явле-

ния, что для серьезного разговора о взаимодействии кинематографий надо уйти от такого рода фильмов:

ведь подражатели ничего не определяют в искусстве.

Александр КАРАГАНОВ,
кинокритик, секретарь Союза кинематографистов СССР.

Давно уже замечено, что в фильмах «В прошлом году в Маркенбаде» Алена Рене и «Бесем с полюбившейся» Федерико Феллинни есть куски, близкие по художественной структуре, если не сказать похожие. Но у этого рука поднимается в данном случае написать о заимствованиях, подражаниях или ученичестве? Тут вступают в действие иные понятия, иные категории.

«Броненосец «Потемкин» Сергея Эйзенштейна вышел на экраны мира, когда правители окружавших Страну Советов государства усиленно выдвигали всякого рода барьеры на пути к правде о революции — цензурные запреты, полицейские гонения, предубеждения, подготавливавшие дожину и клемети. Эйзенштейновский «Броненосец» прорвалась через все барьеры — посланием революционной культуры. Его ярчайший по-разному — аллюзиям и смыслом, восторгами и яростью насилия. Но замолчать его не могли: он стал неотвратимым фактом жизни.

Не только красный флаг в конце черно-белой ленты волновал зрительские аудитории. Наполнявшие фильм страсти борьбы, напряжение событий вспыхнули в кадрах, поражавших новизной и силой: красный флаг был поднят генеральным художником, революция говорила с экрана языком высокого искусства.

Советские кинематографисты видят многое родственного, близкого себе и в фильмах Степана Крамера «Пожинки буря» и «Нюрнбергский процесс», где очень органично раскрываются реально существующие в жизни связи политики и инструменты, а художественная структура ленты, демонстрирующей «економку никабельность» человека, пришла ясность, освобожденная от барочных излишеств, строгость языка обращает.

Советские кинематографисты видят многое родственного, близкого себе и в фильмах Степана Крамера «Пожинки буря» и «Нюрнбергский процесс», где очень органично раскрываются реально существующие в жизни связи политики и инструменты, а художественная структура ленты, демонстрирующей «економку никабельность» человека, пришла ясность, освобожденная от барочных излишеств, строгость языка обращает.

Я не хочу всем этим сказать, что Рене или Крамер что-то заимствуют у своих советских коллег, чему-то учатся: они сами могут быть учениками. Повторю, взаимодействие — более сложное явление, чем простые влияния.

В более простых и наглядных формах проявляется сейчас влияние советского кино на мировых в исполнении опыта и приемов «киноправды» Дэниела Вертона. Вертоныские фильмы вызвали явное целое движение, которое обозначено французским эквивалентом слова кино-правда — «сийеме, верите».

(АПН).

хорошо были видны ломаные линии окопов.

Инстинктивно Залогин улавливал направление падающих бомб и бросался в свежую воронку. Неизменно рядом с ним оказывалась Безматерных.

Ребята до середини дотынулись — стараясь перекричать гул взвылающихихся бомб. сообщил он, — «Юнкерс»-то смазал...

На песчаной отмели воронки стали мельять, и прятаться в них было почти бесполезно. Но желание укрыться толкало солдат в холмистое месиво. Каждый эту минуту оста-

лся утробиться на каких-то стоящих метров. Ни нижней земле, словно присущим к нарастающему рокоту, лежала Угра. Лед на ней уже тронулся. От реки несло холодом, и было слышно, как звенят наползающие на песчаный берег тональные льдинки.

На высоте, что узкой полосой пролегла между занятыми позициями и Юхновом, немцы готовились к наступлению. В их неторопливой деятельности было что-то издавательски угрожающее.

Мощные прожекторы лениво щупывали трехкилометровую линию передовой, оба фланга которой прерывали реку. Ноинки прожекторов скрещивались, словно вспыхнули в бруствере настехе вырываемых траещих. С бугров бесси зловещий «смеси» крупнопалибных пулеметов. А в глубине немецкой обороны отчлененный кольцом вздымались земли. Там отчаянно бились отрезанные от передовых частей армии генерала Ефремова. Немцы считали, что с ними скоро покончат. Не вырывать ей из окружения. Завтра она падет. Наступление русских тоже остановлено. Прорвавшиеся полки, которыешли на выручку к генералу Ефремову, завтра утром будут брошены в Угру.

Угра, Угра, — надрывалась штабной телефонист. Генералу команда полка срочно...

Несколько пуль зарылось в бруствере, обдав лейтенанта Залогина липкой грязью. Там, за рекой, в штабе дивизии тоже ждали утра. Залогин продул засорившийся микрофон маленьким полевым телефоном и спешно выскочил из окна, чтобы сорвать с полковника полка, с которым вместе уходили на фронт из Барнаула и форсировали Угру, рано. Ему отвечал комиссар. Его голос был незнаком Залогину. Старого комиссара полка, с которым вместе уходили на фронт из Барнаула и форсировали Угру, не было, успели...

— А ведь сволочи, — злорадствовал армия генерала Ефремова.

— А какого-таки, наша батарея, лейтенант? — орал он, обращаясь к Залогину. Но тот и сам не знал, почему молчит дивизионная батарея. Да и не успел ответить. В трубке что-то затрещало, и он судорожно прижал ее к уху: «Может быть, хоть один проводок ушелел...»

— Вот ведь сволочи, — злорадствовал Безматерных.

— А какого-таки, наша батарея, лейтенант? — орал он, обращаясь к Залогину. Но тот и сам не знал, почему молчит дивизионная батарея.

Залогин посмотрел на ширящуюся тонким льдом Угру, и плечи его невольно передернулись. Нет, его не пугала вероятная гибель этих двоих, что вызывались передававшие по цепи, гасли, терялись в сплошном рокете непрерывной бомбеки. А «юнкерсы» заходили на бреши, и черные тени, словно ножи, скользили по оконам.

Лейтенант заметил, как один из «юнкерсов» отдался от общего строя и резко пошел вниз. Бежать было некуда. Кругом ровная, как асфальт, равнина.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.

Залогин смотрел на тех двоих. Солдаты уже переплыли реку и неслись на берег. Казалось, что не ульбнется с такими же лицами, как у него, и ждало смерти.